ВИКТОР МАМЧЕНКО

ПЕВЧИЙ ЧАС

РИФМА

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ТЯЖЕЛЫЕ ПТИЦЫ	(изд. 1936 г. Париж)
ЗВЕЗДЫ В АДУ	(изд. 1946 г. Париж)
В ПОТОКЕ СВЕТА	(изд. 1949 г. Париж)
ЗЕМЛЯ И ЛИРА	(изд. 1951 г. Париж)

ВИКТОР МАМЧЕНКО

ПЕВЧИЙ ЧАС

РИФМА
ПАРИЖ

СВИДАНИЕ

Пришли друзья, ушли, и снова — тишина.
Вдали Париж ночной — в сиянии багровом.
Умолкли шумы дня как бы с последним словом,
И только ночь — в цветах и звездная — слышна.

И в тишине светло. До полной глубины
Открыла влажные глаза мечта земная,
И я люблю, люблю, любовной болью зная,
Что так и надо мне, — и нет моей вины.

И новый день я жду как день свиданья с ней,
Она в глазах людей, ее я в них увижу:
Пройдет она по светлому Парижу
Как утро тихое смеющихся детей.

Светла зеленая тропа
Среди кустов и в птичьих взлетах,
На золотых высоких нотах
Шумит пчелиная толпа.

Сижу на вереске лесном —
Почти потерянный, без боли,
Без тяжести борьбы и воли, —
Как бы пред счастьем или сном.

Как бы в забвеньи темных дней —
И сердце вдруг совсем не бьется,
Но знаю, знаю, — отзовется
На тихий зов и крик людей...

От них уйти никак нельзя,
И только с ними воскресенье
И совершенство и спасенье, —
Срываясь, падая, скользя.

Беглянка неба ледяного
Иль звезд вечерних, может быть, —
Мечта весенняя летит
Виденьем образа земного.

В свиданьи будет вновь она
Любимой, любящей, высокой,
И пристально зеленоокой,
И светлой нежности полна.

Прохладой легкого мгновенья
Коснется сердца, как всегда,
Чтоб в нем распались без следа
Судьбою кованные звенья.

И поспешит она, как ты,
Как ты на зов пойдет, печальной
К жестокости необычайной,
Земной, обычной простоты.

SANCTA SIMPLICITAS

Бывают день и час лесной —
Когда у сердца птицей бьется,
Высоким воздухом, весной,
Вся жизнь, и вот — не оборвется...

Когда она легка, ясна,
Как смех колдующей подруги;
Когда ее рукой весна
Ведет магические круги, —

Чтоб солнце тучкой небольшой,
В тумане розовом, недвижно,
Стояло тихо над душой,
Чтоб не было и небу слышно;

Чтоб рук прохладных, дорогих
Судьба не отняла как счастье,
Чтоб не отстало от других
В сияньи детское участье.

В ТИШИНЕ

Близким счастьем захотела
Поделиться ты со мной,
Теплой пчелкой пела, пела
Над весеннею землей.

И зеленый воздух светом
Так высок был, и тобой
Так звенел он в свете этом
Над мерцающей травой,

Что я верил в росной роще:
Будет радость на века,
Будет трепетней и проще
И, как песнь твоя, легка.

ВСТРЕЧА

Всегда, неведомо любя,
Им радостно самозабвенье. —
Там вечности равно мгновенье,
Чтоб потерять в другом себя.

В его руке — ее рука,
Как если-б мир был светом славы.
Как будто эти дети правы
И правда встречная легка.

Легка земля! — Так это вы,
Высоким поднятые светом,
Живете счастьем в мире этом
Среди огромной синевы? —

Прошли как в солнечном венце...
Неправые не знают силы
Как у нее: со словом «милый» —
От счастья слезы на лице.

Дорога в ночь. Пустынно и тепло.
И толпы звездные — как сон в природе.
Молчит мечта в просторном небосводе,
Или разбилась птицей о стекло,
Когда на волю, за окно, летела? —
Его собой разбила, как хотела...

Молчать нельзя, — слепой я без тебя,
И ни к чему пустынная свобода,
И в смертной красоте страшит природа —
Бесцельная, рассеянно блестя,
Когда не собрана рукою строгой, —
Моей любовью и твоей тревогой.

ПРИЗНАНЬЕ

Порой, мой друг, и я кричу во сне,
Как бы в тюрьме, во сне, как плачут дети...
О чем печаль моя, — о звездной ли весне,
О счастье ли, где вечны звезды эти.

В угрюмом утре, — зимний тускл рассвет,
И в нищете, — поэтам лишь пристойной, —
Вдруг слышу крик и боль себе в ответ
На всей земле, для всех людей престольной.

И жизнь, восставшая не знаю как, тогда
На крыльях вдруг, в нетронутой надежде,
Звенит грозой и солнцем, чтоб всегда
Не знать покорности, привычной прежде.

В ТРАУРНОЙ РАМКЕ

За нее, должно быть, силой
Бились солнце и душа,
Время медлило, скользило,
Темнотой в углах шурша.

По снегам и неурочью,
Через горы и леса
Ей сияли днем и ночью
Жизни звездные глаза.

И ее хмельное тело
Белой птицей в тихий свет
Так летело, так летело,
Будто миллионы лет
Будет так лететь со светом,
Не устанет никогда...

Как ее, в полете этом,
Сшибла смертная беда!

ВОЗМУЩЕНИЕ

Как хорошо доверчиво смотреть
На страшный мир, и детскою улыбкой
Принять свой день легко, и жизнь, и смерть,
Кружиться в свете бабочкою гибкой, —
Чтоб первой боли первая слеза
Раскрыла совести огромные глаза.

Не знать что ждет тебя в любви твоей,
Как преступления не знают дети;
Цвести бы лилией среди полей,
Или — как в певчей сказке люди эти,
Когда их радости уж нечего хотеть,
Как птицам некуда от солнца улететь.

И что же ум, к чему стремится он,
Упрямый враг стихийного движенья, —
Весь собранный, мечтательный как сон,
Дух гордости, без права униженья,
Стальная кузница творящих рук,
Очаг чудес, огонь борьбы и мук?

Но не было с ним сердца моего,
Когда, напрасно мертвых губ касаясь,
Ответа ждал, улыбки и всего,
Что жизнь дает, на сердце опираясь.
И сердце, строгое к себе и своему,
Бессильному не верило уму.

Река гранитная в тумане,
Париж в огнях, зима и ночь.
И я, как во враждебном стане,
Спешу уйти куда-то прочь.

Куда? Вокруг чужие люди.
Глаза их холодно глядят,
И фонарей из шумной мути
Какой-то миллионный ряд.

И этот блеск зеркальной двери:
Войти бы мне в толпу, в тепло...
Ну, как ее, — Жаклина? Мэри? —
Чтобы от сердца отлегло.

Я болен, кажется. Уроды
Со всех сторон теснят меня,
Чтоб я признал лицо свободы,
Ключем тюремщика звеня.

Она со мной: среди неволи,
Среди железа и камней, —
Люблю ее до светлой боли
И болью жалуюсь я ей.

СЮИТА ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА

Когда бы не была уже воспета —
Воспел бы я природы красоту,
И женщин всех, как «та и эта»,
Подняв свой взор в пустую высоту,
И лгал бы так, как этот франт бывалый, —
Любитель светских муз публичной залы.

Невесело. Смотрю вокруг себя,
На лицах вижу сдержанную скуку,
Зевает мой сосед, склонясь на руку...
Но вот поэт, всего себя любя,
Вдруг проклял мир, его стихам ненужный,
Тяжелый мир, к поэту равнодушный.

Я вышел вон. Париж огнями ночи
Как будто поднят весь в крутую высоту:
Весенние уже открыли очи
И звезды чудные, и люди на мосту,
И Сена темная мерцает влажным светом, —
Как порт морской в ночных огнях и летом.

А вот квартал: рабочая семья
Давно уснула; подвигом работы —
Был черствый хлеб, обиды и заботы;
Для многих дом — холодная скамья, —
Бездомность дикая создателям богатства,
Мечты высокой, равенства и братства.

Мне кажется, наперекор всему,
Что счастье будет здесь, в борьбе и славе,
Что этот дом, похожий на тюрьму,
Дворцом восстанет в солнечной оправе,
Сады и рощи — вместо улиц узких,
И много соловьев — как наши, русских.

Вот молодость: Латинский здесь квартал,
Здесь вечные глаза прекрасной правды;
Как пред отплытием когда-то аргонавты —
Шумит народ: последний час настал,
Пора, пора, — наука клад открыла,
Пусть разум сердца будет у правила!

Довольно мне. Мне-б донести домой
Нетронутым легчайшее терпенье:
И небо тихое, и сердца зной,
И счастья трудного мгновенье...
О, пусть ведут от гибели и муки
Все те же, человеческие, руки!

Взволнованы враждебным бытием,
Жестокостью наполнено волненье:
Нам жаль людей, их умных рук творенья,
Когда людей мы братьями зовем;

Не может быть, что солнце для войны
Весной звенит в разноплеменных странах,
Чтобы земля чудес сгорала в ранах,
Как человек распятый без вины;

Не может быть, чтоб каждый здесь урод
Войною праздновал свой день рожденья, —
Чтобы народ рукою наважденья
В своей крови топил другой народ;

Чтоб страхом бились звуки в голосах,
Вдруг одичалые, как в день вчерашний,
Когда бежал, обманутый и страшный,
На брата брат, со смертью и в глазах.

ЕВРЕЮ

Мерцая солнечным виденьем
У скал горючих и воды,
Под снежно-розовым цветеньем
Растут Израиля сады.

По городам простерты сети
Цивилизаций, но вблизи —
Все те же ослики, и дети
Шумят в божественной грязи.

Ресницы их пречудно длинны
И взоры древние горят, —
О них библейские былины
Псалмами в храмах говорят.

На холмах ночь в прохладе млеет,
Она — как сон веков святых,
И ветер звездный тихо веет
Для добрых, мудрых и простых.

О, близок день такого света,
Когда народы — твой и мой,
По слову вечного Поэта, —
Сольются радостью земной.

Но помни, помни, к испытанью
Еще не кончены пути:
В дороге к счастью и свиданью
Нам надо братьями придти.

НЕПОКОРНОСТЬ

Опять бедою стерты сроки
Освобожденья, и в бреду
Мы только знаем день высокий,
Как дети райские в аду.

Но не отступим мы от света:
В опустошающей тоске
Его в нас огненней примета...
И, как в пустыне на песке,

Нас гордое томится племя,
И бьется счастье так в плену,
Что мы пройдем сквозь тьму и время
В обетованную страну.

НОЧЬЮ

По морю в ночь ушли морские дали,
Мерцание рыбачьего огня
Едва горит. Цикады перестали
Давно уже шуметь вокруг меня.

Вот только что здесь было голубое
Сияние на близких небесах,
Казалось мне — желание любое
Для всех лежит на солнечных весах.

И не земля виденьем обманула, —
Как сердце для борьбы она сама, —
Я услыхал среди земного гула —
Звенела ночь, как вечная зима.

Она простерлась жадной и холодной —
Стихийная, — чтоб на земле большой
Нигде бы не была душа свободной
И любящею не была душой.

Над миром прелести природной,
Где вечность гибелью полна,
Где свищет силою голодной
Стихии темная волна,

Желанный образ человека
Мерцает знойною мечтой
Всегда — от века и до века —
В улыбке детской и простой.

И он тогда к свободе бьется
В руках трущобной суеты,
И кажется, что отзовется
На зов уверенный, как ты —

Когда взволнована ты встречей —
Среди толпы, в хваленом зле, —
С огромной, верной, человечьей
Душою, на чужой земле.

УЛИЦА

Вся гнойная, с разбитыми ногами,
Больная лошадь, с грыжей под хвостом,
Бежит, спешит, и потными боками
В оглоблях бьется под крутым хлыстом.

Куда, куда? За что такая плата?
Извозчик, стой, довольно нам тебя! —
О, в первый раз душа моя так рада
Проклясть всю боль, безудержно любя.

ВРЕМЯ

Тростинку посадил в чужом саду,
Не думал я, в стране чужой, случайной,
Что полюблю росток тревогой тайной
И никуда я долго не уйду.

Теперь смотрю — вот дерево цветет, —
Сияние прозрачное цветенья, —
Не распадутся ли тугие звенья,
Когда весна взволнованно пройдет.

Не ты ли, счастье? — Мне-б унять тебя!
Или — лети и с миром и со мною,
Овей всю землю песенной весною, —
Страну мою особенно любя.

КАТОРЖАНКА

Своему молилась богу?
Что-ж, спаслась? — Иди, иди,
Меж проклятий по острогу
В кофте, смятой на груди.

Но куда бежишь, куда ты
С окаянною судьбой? —
Вот скользит цена расплаты
Темным взглядом за тобой.

И товарищи в овраге
Одичало средь камней
Бредят о любовной влаге
Нерастраченной твоей.

И чем дальше, будет хуже:
Как растенье теплых стран —
Ты погибнешь в этой стуже,
Вспоминая ресторан —

Где тебя какой-то барин
В страшный час вином поил;
Как потом веселый парень
Бил тебя, и молча бил;

Как нежданного ребенка
Нежеланно родила;
Как сожгла его в пеленках;
Как полиция взяла,

Чтобы правдою минутной
Осудить тебя одну,
Чтоб ушла ты в пене мутной
Мертвой рыбкою ко дну.

ЛУБОК

Удивительны и просты,
В теплой близости небес,
Тихим светом смотрят звезды
На июньский черный лес.

Среди леса на поляне —
Те же звезды, но — в очах,
То мерцающих в тумане,
То потерянных в лучах.

Силой жаркой над Сусанной —
Шепот, клятвы, и стучит
Сердце болью, болью странной;
Ей кричать бы, — не кричит.

Только руки заломила
На прохладную росу;
Пожалел чтоб — не молила
И не плакала в лесу.

Слезы были в год с весною:
Звезды тихие прошли
Над поляною лесною,
Но влюбленных не нашли.

Осенний дождь всю ночь в окно стучал
И лес шумел в порывах листопада;
Я спать не мог: душа всему не рада,
И с нею я как проклятый скучал.

Она не раз среди беды большой
Хотела быть и сильною и смелой,
Теперь она с улыбкой неумелой
Все кажется мне плачущей душой.

Ее, такую, в саван бы одеть.
И что она — преступница, калека,
Чтоб так молчать, чтоб так на все глядеть.
Что с ней теперь, — не верит в человека?

ПТИЦА В МОРЕ

Одна летит, наперекор беде, —
Во тьме-ль отставшая или больная, —
Далекая ликующая стая
Уже над гнездами теперь, — в труде.

А эта здесь — и дышит горячо,
Чтобы крылатое продолжить дленье,
И силится тяжелое паденье
Переложить на лётное плечо.

О, как понять? С тобой — с ума сойти,
Ненужная ты больше певчей рати,
Ты бьешься здесь собою жизни ради,
А не для радости... Лети! Лети!

О любви мне говори —
Как тебя любили, —
От зари и до зари
Счастливы ли были?

Говорила ли ему
О любви последней,
Так же верила всему
В синий вечер летний?

Виновата ли ты в чем,
Что любовь любила? —
За твоим была плечом
Вся земная сила!

Как же ты любила вновь,
Навсегда прощалась,
Или древняя любовь
Болью оказалась?

Не казалось ли тебе,
Что любовь такая
На костер к своей судьбе
Уведет, толкая?

Ледяная — и живет
Та судьба кострами:
Не иди, когда зовет
Легкими перстами.

Средь желтых листьев фонари горят,
Париж ночной — неистовый как омут,
И многие в отчаянии тонут,
В тоске своей о счастье говорят.

Ночная осень огненного круга
Еще беспомощней, — слепа, слаба,
Как человек, что в образе раба
И темной низости, не верит в друга.

Романтика! Туманами сожженный
Пустынный сквер, в кустах — скамья;
Когда-то был он солнцем окруженный —
Высокий день с людьми... Не верю я?

Для человека все, и для него
Во мне вся искренность земного зова,
Когда Орфеем он проходит снова
Среди чудовищ ада своего.

НАД СЕНОЙ

Все, что дорого и сложно,
Как тепло твоей руки,
Безудержно, бездорожно,
По-осеннему тревожно
Гонит ветер вдоль реки.

И шумит вечерний город —
Будто реквием для нас, —
Удержу ли жизни повод,
Отведу ли черный холод
От твоих печальных глаз.

Расставаньем у вокзала
Все слова твоей любви:
Руки теплые разжала
И бежала, и бежала...
Помоги мне, — позови!

ГОЛОС В ЛЕСУ

Сгибает ветер равнодушный
Стволы высоких тополей;
Осенний свет, тревоге нужный.
Прощальным взглядом не жалей.

Еще не сорваны узоры
Весенних зорь и летних дней,
И веют чистые просторы
Над бедной радостью твоей.

Не за спасительной оградой
Ты скоро, скоро будешь петь,
Чтоб сердце с трудною наградой
Могло до счастья долететь.

Тревога сильная мой каждый день
Сжимает горечью невольно,
И вот она — как огненный ремень,
Чтоб стало мне как людям больно.

Пусть боль наследственно и мне дана,
Ведь всех любить душа не хочет,
И горечь жаркая, моя вина, —
Как муза плачет и пророчит.

Но почему душа, как в детском сне,
Летит от боли странной песней, —
Свободной птицей в розовой весне,
И всякой радости чудесней!

ПСИХЕЯ

Пусть будут краткие мгновенья,
Но как неистово она
Во власти бедствий и терпенья
Возможной радостью сильна.

И нет смертельного прощанья, —
Она всех вечностью зовет,
И в сердце бьется обещанье —
До счастья выдержать полет.

Летит она зеленым шумом
В своей глубокой высоте, —
Трагична в замысле заумном
И так прекрасна в простоте,

Что, восхищенный удивленьем,
Спешу я к ней и, набегу,
Ее с ее чудесным пеньем
В себе как вечность берегу.

В который раз осенний ветер рвет
И кружит жарко листья золотые.
Стучит у сердца, именем зовет, —
И голос близкий и слова простые, —
И сердце бьется: страшно не взлететь,
Лежать недвижно и молчать, не петь.

Как будто в сердце — солнце, а не кровь,
И волны света... Легкостью чудесной
Взлетает, падает, взлетает вновь
Оно теперь по синеве небесной, —
Все в золоте, осеннее оно,
Любовь и сердце — сердце, — все равно.

И веют жизнью древние слова
Над правдой любящих, что с ними боги...
Не веришь, осень? — Счастьем ты права,
Когда любовь твоя полна тревоги,
Когда прощальный твой земной наряд
Без слез не видит удивленный взгляд.

В ЗИМНЕМ ОКНЕ

Холодно, и в час рассвета
Нет рассвета, — только мгла.
Но душа мечтой согрета, —
Светом встала, как могла.

И коснулась дня тревожно,
Жизнью день свой назвала
И, как радостью возможной,
Розой снежной расцвела.

Странная, и будто знает,
Что небесная земля
Звездной волей пролетает
Елисейские поля.

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТОЯЩАЯ КНИГА
ОКОНЧЕНА ПЕЧАТАНИЕМ
10 АПРЕЛЯ 1957 ГОДА
IMPRIMERIE BERESNIAK
6 RUE DE LA PIERRE-LEVEE
PARIS

РИФМА ———————————————— ПАРИЖ

Вадим Андреев. Второе дыхание
Вера Булич. Ветви
Тамара Величковская. Белый посох
Анатолий Величковский. Лицом к лицу
Александр Гингер. Весть
Владимир Злобин. После ее смерти
Георгий Иванов. Портрет без сходства
Юрий Иваск. Царская осень
В. Корвин-Пиотровский. Воздушный змей
А. Ладинский. Роза и чума
Сергей Маковский. Круг и тень
Сергей Маковский. На пути земном
Ю. Мандельштам. Годы
Владимир Набоков. Стихотворения
Ирина Одоевцева. Контрапункт
Георгий Раевский. Третья книга
Ю. Терапиано. Странствие земное
Юрий Трубецкой. Двойник
Лидия Червинская. Двенадцать месяцев
Игорь Чиннов. Монолог
А. Шиманская. Капля в море
А. Шиманская. Новолунье
Анатолий Штейгер. Дважды два четыре
Е. Щербаков. Свет и камень
Ирина Ясеен. Лазурное око
Ирина Ясеен. Память сердца